

научная статья / research article

УДК: 327

EDN: [TIXRHW](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.2.3](#)

Научная специальность ВАК:
5.5.1. История и теория политики

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Утопические идеалы в китайской политической философии

Бояркина Анна Владимировна

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
 aboyarkina@gmail.com

Аннотация

Введение. Актуальность избранной темы обусловлена применением традиционных утопических идеалов («да тун», «сяо кан», «великое равновесие» и др.) в ходе реализации масштабных концепций китайского руководства – «китайской мечты» и «сообщества единой судьбы человечества». Новизна темы состоит в выявлении преемственности между древней философией и актуальным внешнеполитическим курсом Китайской Народной Республики. Исследование процесса, как классические китайские идеалы трансформируются в современные глобальные инициативы, необходимо для понимания стратегии развития страны в меняющемся мире. Целью исследования является установление взаимосвязи утопических идеалов Китая с его современной политической философией, идеологическими установками руководства КНР в сфере мировой политики. Основная исследовательская задача: показать связь традиционных китайских идеалов и идей с современной политической философией Китая, идеологическими установками руководства КНР в сфере мировой политики.

Методы и материалы. Исследование опирается на круг научных публикаций, анализирующих утопии в китайской политической философии. Использован философский метод – герменевтика, как ключевой; применяем дискурс-анализ, который позволяет проанализировать политический язык и выявить, как традиционные термины (например, «сяо кан», «великое равновесие» и т.д.) наполняются новым геополитическим содержанием в официальном дискурсе КНР. Первоисточниками китайской философской и общественно-политической мысли служат: «Дао дэ цзин», «Тай пин цзин», «Чжуан-цзы», «Ши цзин». Ввиду несопоставимости литературных подходов и восприятия на английском и китайском языках, исследование может проводиться в историческом контексте и с учетом идеологием в процессе их адаптации к китайскому образу мышления. Исследовательской базой служат труды и выступления председателя КНР Си Цзиньпина.

Результаты. Выявлено, что утопические идеалы «великое единение», «великое равновесие», «сяо кан», система «тянься» с политической точки зрения призваны вернуть Китай к установлению глобального порядка, который заменит и затем вытеснит западную концепцию конфликтов и неравенство в мире. Концепция «тянься» лежит в основе реализации современного мегапроекта «Один пояс, один путь» и концепции «сообщества единой судьбы человечества», так как китайское руководство неразрывно связывает их с интересами всего человечества.

Обсуждение. Подчеркивается, что в широком смысле понятие «утопия» неоднозначно и двойственно по природе, оно действительно применительно к китайской традиции и

реальности. Китайская матрица мышления подразумевает отсутствие конкретных и ясных определений, которое приводит к открытости сознания, иносказательности в действиях. Конфуцианский идеал социально-политического устройства, где мир принадлежит всем (например, «тянься»), близок с даосским «великим равновесием», «великим единением». Отмечается, что западные представления о мире уже проигрывают в научном описании взаимоотношений разных цивилизаций. Теория И. Канта о «вечном мире» или концепция «столкновение цивилизаций» С. Хантингтона свидетельствуют об этом. Ван Тао, Кан Ювэй и Чжао Тиньян считают индивидуальную рациональность эгоистичной, не соответствующей нравственным и моральным отношениям, в этой связи не способны решать глобальные проблемы. Четыре идеала этих ученых соответствуют утопическим установкам, отражающим восприятие мира китайской цивилизацией.

Заключение. Теоретические выводы статьи расширяют понимание того, как национальные китайские архетипы формируют внешнюю политику КНР. Результаты исследования могут быть использованы государственными структурами для анализа потенциала КНР в области реализации стратегий «мягкой» и «жесткой силы». Понимание этических и утопических установок китайской стороны помогает выстраивать более тонкую коммуникацию, используя близкие им смыслы и избегая культурно-идеологических конфликтов.

Ключевые слова: утопия; Китай; даосизм; «сяо кан»; «великое равновесие»; «великое единение»; «тянься»

Для цитирования: Бояркина А.В. Утопические идеалы в китайской политической философии // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 47–62. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.3>. EDN: TIXRHW.

© Бояркина А.В., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Utopia Ideals in Chinese Political Philosophy

Anna V. Boyarkina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

 aboyarkina@gmail.com

Abstract

Introduction. The relevance of this topic stems from the application of traditional utopian ideals such as «da tong», «xiao kang», «great balance», and others to the implementation of the Chinese leadership's ambitious visions – «Chinese dream and a «community of shared future for mankind». The topic's novelty lies in its identification of the continuity between ancient philosophy and the current foreign policy of the People's Republic of China. Examining how classical Chinese ideals are transformed into contemporary global initiatives is essential for understanding the country's development strategy in a changing world. The aim of this study is to establish the relationship between China's utopian ideals and its contemporary political philosophy, as well as the ideological principles of the Chinese leadership in global affairs. The primary research objective is to demonstrate the connection between traditional Chinese ideals and ideas and China's contemporary political philosophy, as well as the ideological principles of the Chinese leadership in global affairs.

Methods and materials. The study draws on a range of scientific publications that analyze utopias in Chinese political philosophy. Hermeneutics, a key philosophical method, is used in examining utopia in Chinese political philosophy. We also employ discourse analysis, which allows us to analyze political language and identify how traditional terms (e.g., «xiao kang», «great equilibrium» etc.) are imbued with new geopolitical meaning in China's official discourse. The primary sources of Chinese philosophical and socio-political thought are: the Tao Te Ching, the

Taiping Jing, the Zhuangzi, and the Shi Jing. Given the incomparability of literary approaches and perceptions in English and Chinese, the study is conducted within a historical context and takes into account ideologemes as they are adapted to the Chinese way of thinking. The works and speeches of Chinese President Xi Jinping also serve as a research base.

Results. The study revealed that the utopian ideals of «great unity», «great balance», and the «tianxia» system are politically designed to return China to establishing a global order that will replace and then displace the Western concept of conflict and inequality in the world. The concept of «tianxia» is the basis for the implementation of the modern megaproject «One Belt, One Road» and the concept of the «community of common destiny of mankind, as the Chinese leadership inextricably links them with the interests of all mankind».

Discussion. It is emphasized that the concept of «utopia» in its broadest sense is ambiguous and dual in nature, which is true in Chinese tradition and reality. The Chinese paradigm of thought implies a lack of concrete and clear definitions, which leads to an open mind and an allegorical approach to action. The Confucian ideal of a socio-political order where the world belongs to all (for instance, «tianxia») is close to the taoist «great balance» and «great unity». It is noted that Western notions of the world are already losing ground in scientific descriptions of the relationships between different civilizations. Immanuel Kant's theory of «perpetual peace» and Samuel Huntington's concept of the «clash of civilizations» attest to this. Wang Tao, Kang Youwei, and Zhao Tingyang believe that individual rationality is selfish, inconsistent with ethical and moral relationships, and therefore incapable of solving global problems. The four ideals of these scholars correspond to utopian attitudes that reflect the Chinese civilization's perception of the world.

Conclusion. The theoretical conclusions of the article expand our understanding of how national Chinese archetypes shape China's foreign policy. The results of the study may be useful for government agencies in assessing the Chinese state's readiness to implement «soft» and «hard» power. Understanding the ethical and utopian attitudes of the Chinese side helps build more nuanced communication, utilizing congenial meanings and avoiding cultural and ideological conflicts.

Keywords: utopia; China; taoism; «xiao kang»; «great balance»; «great unity»; «tianxia»

For citation: Boyarkina, A.V. Utopia Ideals in Chinese Political Philosophy. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 47–62. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.3>. EDN: TIXRHW.

© Boyarkina, A.V., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Рассуждая о внешнеполитических идеях руководства Китайской Народной Республики, мы говорим именно о ее утопических основаниях. Древние каноны письменной культуры эпохи Чжоу (XI–III вв. до н.э.) – «Шу цзин»¹, «Ши цзин»², «Чжоу и»³ обращают внимание на то, что специфика жизни китайского государства и общества состоит в единстве стиля династий и со-общительности рода или семьи [1, с. 39].

В традиционной китайской историографии выделяется общая черта двух явлений культуры: тенденции приписывать древнюю родословную правителям и идеям, они представлялись как духовные абстракции [1, с. 39].

Историческая утопичность, заложенная в концептах даосизма и конфуцианства, характерна для всех теорий общественной жизни, созданных китайской цивилизацией. В статье мы уделяем внимание лишь четырем идеалам утопии: «великое единение» (大同), «великое равновесие» (太平), «сяо кан» (小康), «тянься» (天下). Формирование

---

¹ Град. кит. «書經». «Канон [документальных] писаний».

² Град. кит. «詩經», XI–VI вв. до н. э. «Канон стихов».

³ «周易» – «Чжоу и», или «易经» – «И цзин». «Канон перемен».

идеалов («великое единение», «великое равновесие») происходило в условиях традиционного кризиса китайской государственности в XIX в. Именно в этот период они оказали наибольшее влияние на восстание «Желтых повязок»⁴, идеологию становления современного китайского государства, вдохновляя мыслителей и лидеров на поиск путей к социальной справедливости, национальному возрождению и стабильности.

Называя их *идеалами*, мы полагаем, что именно это понятие отражает перфекционистскую философскую природу, социальные, политические и этические идеалы китайской цивилизации. Действительно, утопических концепций значительно больше, особенно в современных политических реалиях КНР. Председатель КНР Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао и сейчас Си Цзиньпин опираются на традиционные даосские и конфуцианские постулаты в реализации своих масштабных внешнеполитических концепций и идей, таких как строительство общества малого благоденствия «сяокан», «китайская мечта», «сообщество единой судьбы человечества», «Один пояс, один путь» и другие инициативы и концепции. Современное руководство планомерно реализует эти идеалы китайской утопии. И это уже не кажется совсем утопичным, так как они являют собой идеологическую основу внешней политики китайского государства.

Методы исследования

В исследовании применяется системный подход как совокупность общенаучных принципов, которые рассматривают объекты – утопические идеалы – не как разрозненные лозунги, а как целостную систему и стратегию по трансформации глобального управления. Мы применяем также философский метод – герменевтический. Он позволяет правильно толковать древние тексты («Дао дэ цзин» и др. даосские, конфуцианские тексты) и выявляет то, каким образом их смыслы адаптируются под актуальный политический контекст. Так, герменевтический анализ выявляет, как понятия меняют свой полюс. Если в Древнем Китае утопия «сяо кан» означала лишь достаток отдельной общины, то сегодня герменевтика трактует его как этап легитимации власти КПК, которая выполнила историческое обещание перед народом и теперь готова переходить к глобальному уровню («великому единению»).

Основная сложность в изучении философско-этических моделей китайских интеллектуалов-реформаторов Ван Тао, Кан Ювэя, Чжао Тиняна заключается в их склонности к мифологизации с целью доказательства сакральной и божественной сущности. В историческом контексте это позволяет проверить эффективность разработанных гипотез и методов исследования незападной материальной культуры.

Материалы

Исследование опирается на круг научных публикаций, включающих работы отечественных, европейских и китайских авторов, особое внимание уделено анализу даосских, конфуцианских текстов. Основной исследовательской базой послужили даосские и конфуцианские трактаты: «Ши цзин» [2], «Дао дэ цзин» [3], «Чжуан-цзы» [4], «Ле-цзы» [4], «Тай пин цзин» («Канон великого равновесия»). Труды Чжао Тиняна

---

⁴ Народное восстание в Китае, которое произошло в эпоху династии Хань, 184–204 гг. и привело к дестабилизации положения в стране.

[5; 6; 7], также теоретические труды об утопических представлениях европейских авторов [8; 9; 10]. Российские ученые-востоковеды А.И. Кобзев [11], В.В. Малявин [12]. Д.Е. Мартынов [13; 14; 15] исследует интерпретации Ван Тао, Кан Ювэем теорий «великого единения», «великого равновесия». Л.С. Васильев [16; 17], Е.А. Торчинов [18] задали блестящую основу исследования мира даосизма в отечественной науке. Китайский исследователь Чэн Гуанюнь [19] анализирует философские системы Чжао Тиняна с правовой точки зрения, Цзян Сиюань [20] и коллектив авторов Д. Марголис, Цин Цао, Ян Чжоу и др. [21] описывают сложные культурные процессы, происходящие в современном Китае; его глобальное значение в быстром развитии, культурной идентичности и стремлении к идеалам утопии через призму литературы, искусства и окружающей среды. Сборник статей Института востоковедения (Москва), Академия наук СССР [22] и Материалы XI научной конференции «Общество и государство в Китае» [1] избирают предметом специального исследования традиционные модели взаимоотношений Древнего, средневекового и Нового Китая.

Отдельно отметим труд руководителя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина «О ликвидации бедности», в котором изложены более чем 60 документов по вопросам стратегии полного построения средне зажиточного общества и достижения китайской мечты о великом возрождении китайской нации в период с 2012 г. по 2018 гг. [23].

Результаты и обсуждение

Необходимо понимать значительные отличия понятия утопии на Западе, от сходных явлений на Востоке. Западные представления об утопии обеспечены логической стройностью суждений. Она являет собой идеологическую конструкцию, соотносимой с абстрактными идеями. Она собрана из материи и духа, сознания и тела, субъекта и так называемой объективной действительности и т.д. [12]

Слово «утопия» – изображение нового общественного устройства в противоположность реально существующему без научного обоснования его неизбежности и процесса перехода к нему [24, с. 533]. Оно греческого и латинского происхождения, где его составные части обозначали: *у* – «не», «нет», и *topos* – «топос», место. Еще первыми утопическими обществами принято считать индийские ашрамы, появившиеся около 1500 г. до н. э. Феномен утопии не ограничен рамками западной христианской цивилизации; самобытные утопические традиции характерны также для культур Ближнего Востока, Китая, Индии и Японии. Подобная универсальность подтверждает, что интенция к поиску совершенного мироустройства фундаментальна для любого человеческого сообщества [10, с. 155–156].

Немецкие и английские утописты Нового времени⁵ внесли значительный вклад в становление понятия «общей судьбы» европейских народов. Они мыслили совершенствование человеческого общества. В художественной литературе Томас Мор придает «утопии» («*utopia*») каламбурное значение, добавляя его к понятию «эвтопия» («*eutopia*»), что значит «хорошее место» [10, с. 149]. Затем К. Маннгейм в труде «Идеология и утопия» описывает утопию как идею трансформации или разрушения существующего порядка разными группами общества [10]. У Г. Гегеля

---

⁵ Ок. 1500 г. – 1815 г.

утопия связана с ролью государства, полной свободой особенностей и с благодеянием индивидов, у К. Маркса же с онтологией классового общества [25, с. 425]. Понимание этого термина как мира без голода, открывающего простор для размышлений о возможности и невозможности бытия, представлено в работах Г. Маркузе – немецкого философа и одного из основателей Франкфуртской школы⁶ [10]. Утопические представления о «социальной мечте» зафиксированы в работах XIX в. и у более поздних авторов [10, с. 151]. Сближает утопические взгляды французских и немецких идеалистов и восточную утопию тезис о растворении и смешении пространства «отсутствия» и «блага» в пространстве бесконечной возможности.

Книга «Утопия и современность в Китае: противоречия в переходный период» анализирует переход страны к современности, исследуя конфликты между традиционными китайскими ценностями («великое единение», «гармония», конфуцианское учение) и западным капиталистическим и технологическим миром [21].

Таким образом, понятие «утопия» имеет множество трактовок в ряду гуманитарных дисциплин – от психологии до политологии. На стыке этих наук происходит интеграция различных подходов к осмыслению феномена утопичности [10, с. 150]. В этой связи, так как понятие «утопия» неоднозначно и двойственно по природе, оно действительно применительно к китайской реальности. Для того, чтобы раскрыть тезис об утопическом характере китайских концепций, мы должны понимать, что китайцы мыслили историю мира как повествование о «первоначальном опыте» (*иг-хэргейенс*) человека в «первоначальном состоянии». Такое мышление подразумевает отсутствие конкретных и ясных определений, которое приводит к открытости сознания, иносказательности в действиях и образности мышления и жизни в целом [6, с. 398–399].

Поскольку китайская философия не выработала понятия *идеи, эйдоса, формы форм, трансцендентного божества* и отсутствовала греческая линия логоса, многие исследователи понятие *идеального* усматривают в категориях *у* («отсутствие») и *у даосов* и *у конфуцианцев* [17, с. 23]. Мы полагаем главной философской, политической, этической установкой китайской утопии является ее имманентность, т.е. единство телесного и духовного начал, момент, когда актуальное состояние переходит в фантазм (призрак, воображение, ирреальность) – отсутствие и присутствие одновременно, превращение и изменение вещей в природе. Подтверждением имманентного начала служит господство Сына неба над всеми народами Поднебесной [21, с. 3]. Именно это положение и является практическим руководством во внешней политике.

Формирование дао (道, букв. «путь») как фундаментальной философской категории относится к середине I тыс. до н. э. Несмотря на то что древнее происхождение трактата «Дао дэ цзин» (или «Лао-цзы») является установленным фактом, вопрос о его авторстве и локализации первоисточника в современной науке остается дискуссионным. В тексте не находим логического вывода о понятии *дао*. Оно «вечно и безмянно», «неизрекаемо», «незримо», «неслышимо», «неосвязаемо» («道永远是无名...»). «...却谈得没有味道...看它却看不见, 听它却听不着, ...») и т.д. [3, с. 64, 70]. Исследователи считают *дао* плодом либо коллективной фантазии, либо

---

⁶ Ведущее направление неомарксизма в немецкой философии и социологии 1930–1960-х гг.

индивидуальной медитации. Понятно, что в политологии и социологии *дао* расценивается как истинная утопия.

В трактате «Дао дэ цзин» нашла свое выражение иллюзия рядовых общинников о возможности возврата к родовым патриархальным социальным отношениям. В нем Лао-цзы выступал с идеей создания общества без эксплуатации и угнетения, без богатых или бедных, а идеал его патриархальная община. Он предлагал отказаться от высокопроизводительных орудий труда, средств транспорта и связи и даже от письменности. В этом представляется революционная социальная утопия «Дао дэ цзина» [26, с. 38, 45].

Один из самых ранних даосских, и сейчас сохраняющих свое сакральное значение, текстов об утопических идеалах – «Тай пин цзин» («Канон великого равновесия»⁷). Датировка памятника сложна, но историки относят его к правлению императора Чэн-ди династии Восточная Хань (25–220 гг.). Составлен даосским монахом Юй Цзи (или несколькими монахами) примерно около 100-200 гг. н.э.⁸ В идеальном иерархически выстроенном обществе «Тай пин цзин» воспевается справедливый мир общественного благосостояния под государственным управлением, которое в равной степени учитывает и общественное мнение. Это также следствие устроенности мира по небесным принципам [27, с. 117–118]. Резко критикуется частная собственность и преобладает учение *дао* как утопия высшего источника жизни [18, с. 255]. Даосская утопия «великого равновесия» соответствует утопической мысли, в связи тем, что в тексте уделено вопросам продления жизни и даже обретения бессмертия путем совершенствования тела и духа, а также рассуждениям на социально-этические темы семьи и брака.

Идеал «тай пин» и сам памятник «Тай пин цзин» легли в основу первого даосского учения – «Пять доу риса» (позже переименовано в «Путь небесных наставников», «天师道»). Ее основатель Чжан Лин, получивший якобы откровение от божественного Лао-цзы во II в. н.э. и право быть наместником с титулом «Небесного наставника». Эта даосская школа практиковала ритуал общинного богослужения, передавая учение от северо-запада провинции Сычуань до южных границ Шэньси. Чжан Лин впоследствии институализировал даосизм. А в период «Шести династий» (лю чао, 六朝)⁹ было основаны даже теократические даосские государства, которые восходят к воззрениям времен написания «Дао дэ цзина» и «Чжуан-цзы» [16, 1982, с. 61]. Отметим, что «Небесным наставникам» удалось создать автономное теократическое государство (г. Ченду). Их автономия является результатом выгодного географического положения Сычуани. В целом утопия «Небесных наставников» направлена на обретение спасения, понимаемого в чисто религиозном смысле, и не направлена против государства. К Чжан Лину возводят традиции все даосские школы и в современном Китае, в т.ч. идея о людях, совершающих нравственные и благие дела, лежит в основе почти всех даосских школ («Шанцин», «Действия и воздаяние» и др.). Примечательно для западных читателей и естественно для китайской

---

⁷ Возможен перевод – «Канон великого спокойствия».

⁸ Тай пин цзин юаньвэнь цзи ивэнь 太平经原文及译文 [Оригинальный текст и перевод «Тай пин цзин»]: [сайт]. URL: https://cp.baidu.com/landing/tscp_doc/d108d60b179e0c8884a38cbbf6db3c0b (дата обращения: 20.01.2026).

⁹ Период «Шести династий» – IV–VI вв.

философской и утопической традиции, что в одной из частей присутствует Лао-цзы в роли учителя, который не говорит, но передает секреты и тайны даосизма.

Школа «Небесных наставников» выступала с критикой в адрес другого учения – «Учение о пути великого благоденствия» («Тай пин дао», 太平道), которое отождествлялось с мессианством и антиэтатизмом [18, с. 38]. Известный западный исследователь даосизма А. Зайдель их появление связывает с оппозицией к власти, в отличие от идеологии школы «Пути небесных наставников», которые проявляли лояльность к правящей династии Вэй [18, с. 267]. Отметим, что идеология всех даосских течений восходит к утопии дао у Лао-цзы, Чжуан-цзы и Ле-цзы [18, с. 39].

Сам иероглиф «平» («пин») включает пять направлений: времени и пространства; политики, культуры и жизни людей. Он переводится как «спокойный, устойчивый; справедливый» [28; 29, с. 870]. В древнекитайском выражении «天下太平» понятие «平» может быть истолковано как «принести мир всему миру». Согласно представлению китайских правителей о «превосходстве Срединного государства», этот знак может быть интерпретирован как «стабилизировать или расширять государство». Профессор Цзян Сиюань из Шанхайского института международных исследований, рассуждая о политической стратегии и культуре традиционного Китая, наделяет постулат «天下太平» высокой степенью идеализма, граничащего с хладнокровным реализмом [20, с. 124].

Идеалы «великого равновесия», «великого единения» также призваны регулировать социальные преобразования и повышать культурное и общественное разнообразие. На самом деле они поддерживают стабильность в китайском государстве и обществе и одинаково необходимы с точки зрения совершенствования нравственности.

В конфуцианском сборнике «Ли цзи» («Записи о ритуале», «礼记») определено два состояния китайского общества: первое «да тун» (大同), а другое «сяо кан» (小康) или малое процветание.

Высший идеал «да тун» – «великое единение» – (относится к периоду правления великих династий Ся (III–II тыс. до н.э.), Инь (XVII–XII вв. до н.э.) и Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.). «Ли цзи», составленный в I в. до н.э., является не только памятником китайской духовной культуры, но и целой системой нормативных рекомендаций. Этот канон заимствовал многое из даосизма, легизма¹⁰ и высоко оценен официальной наукой. По его регламенту живут и современные китайцы, а в государственном управлении сохраняется стабильность [17; 30].

Само словосочетание «сяо кан» состоит из двух иероглифов «小» – малый; мелкий и «康» – мир; спокойствие; процветание. На русский язык можно встретить разные переводы этого понятия¹¹. «Сяо кан» восходит к одному из стихов в «Книге песен»¹², где в оде «Народ страждет» звучит призыв к государю от закрепощенного народа об избавлении от горя и забот («民亦劳止,汙可小康») [2, с. 582].

---

¹⁰ Теория государственного управления на основе законов *фа* (法), единых и обязательных для всех, и ничем не ограниченной власти правителя. Легисты свое учение выдвигали в противовес конфуцианскому.

¹¹ Общество малого достатка «сяокан», малого благоденствия и т.д.

¹² Трад. кит. «詩經», XI–VI вв. до н. э. «Канон стихов».

В русле поиска абсолютных идеалов находятся и концепции китайского Возрождения (VIII–XVI вв.). Сформированы они еще период эпохи Сун (X–XIII вв.) [11, с. 7, 29–30]. Примечательно, что именно в этот период возникло грандиозное учение «сун сюэ» (宋学). В его основу положены концепции синтеза конфуцианства, даосизма и буддизма (например, «моральная метафизика»). Во всех китайских эквивалентах нет указания на Конфуция. Необходимо принять во внимание, что именно неоконфуцианские последователи (Цзы-сы, Мэн-цзы) окончательно сформировали и само конфуцианство как идеологический багаж, определяющий лицо и природу китайской цивилизации. Гуманность и добродетель они противопоставили западным меркантильным экономическим составляющим: прибыли, богатству и т.д. Вот по этой причине в традиционном Китае так и не сформировалась фигура индивидуального предпринимателя [11, с. 45]. В Сунскую эпоху предпринималась попытка построить в Китае «великое общество», но не увенчалась успехом по причине войн и набегов киданей, тангутов, чжурчженей (XI–XII вв.).

Бесспорно, китайская цивилизация довела до совершенства учение об идеальной организации общества. Философия, политика, этика и другие науки рассматриваются в неразрывном единении. Кроме того, единство общества и идеалы способствуют высокой степени устойчивости духовной культуры всей китайской цивилизации. Одним из первых китайских мыслителей XIX в., кто глубоко верил в гармонизацию Поднебесной через «великое единение» и «путь дао», был Ван Тао¹³. Он выступал за применение западного научного метода и политические идеи Запада, укрепление международного мира. Верил в то, что страны Европы будут увлечены идеями Конфуция, а его учение распространится во всем мире [14, с. 222–223].

Во второй половине XIX – начале XX вв. Кан Ювэй¹⁴ популяризировал идеи «великого равновесия» (太平, «тай пин»), «великого единения» (大同, «да тун»). Он отождествил идеал «тай пин» с конфуцианским идеалом «да тун» [27, с. 106]. Отметим, что «сообщительность/тождество», или «тун» «同» в известном изречении первого учителя в трактате «Лунь юй» определяет бытие, или со-бытие как согласие быть с другими. Эта сентенция роднит взгляды Кан Ювэя и Чжао Тиняна о высшей стадии великого единения, когда создается полноценное мировое государство. Она также созвучна и более раннему реалистичному идеалу порядка английского философа Т. Гоббса, в котором граждане во имя гарантии мира и стабильности готовы отказаться от свободы [8].

В новейшей истории КНР основатель Китайской Народной Республики и Великий кормчий Мао Цзэдун заимствует изречение «和而不同»¹⁵ из письменного канона «Центрированность в обыденном» («Чжун юн»)»¹⁶. Он наделяет новым смыслом это высказывание. Это также означает для Мао Цзэдуна, что идет борьба в единстве различий. Без единства разногласий и борьбы, считает Мао, не будет гармоничного миропорядка¹⁷.

---

¹³ Первый ученый-конфуцианец. Автор наиболее полного перевода конфуцианских текстов на английский язык. Годы жизни – 1828–1897.

¹⁴ Китайский философ, реформатор эпохи Цин. Возглавлял движение за реформы 1898 года.

¹⁵ Возможные переводы: «Единство в разнообразии», «единство без унификации».

¹⁶ «中庸».

¹⁷ Цзе ми: Мао Цзэдун иньюн «Лунь юй» юйянь Цзян Цзэши канжи пайхуай (3) 揭秘:毛泽东

Положительную роль в реализации концепции «китайской мечты» и полном построении общества «малого благоденствия»¹⁸ сыграл идеал «сяо кан». Мы считаем, он повлиял на изменение структуры общества, принятие решений проблем повышения экономического уровня, уровня благосостояния и в городе и деревне. В конце 1990-х гг. многие китайские ученые экономисты-политологи (Гуань Синьпин, Сун Линьфэй, Лу Цзунь) писали о расслоении китайского общества, его трансформации и эффективной возможности повышения жизненного статуса [32, с. 9–27, 58]. Для того, чтобы люди не потеряли веру в будущее и в «китайскую мечту», пишут профессора Ли Пэйлинь, Ли Цян и др., необходимо привести в соответствие систему стратификации социальных статусов [32, с. 58–59]. В результате китайское руководство, начиная с 1990-х гг. проводит реформы развития системы социального обеспечения. В 1995 г. в «Докладе о классовом делении китайского общества в новое время» присутствует упоминание о «среднем классе», которому предстоит преобразование в общество «среднего достатка» и переход от физического труда к интеллектуальному. Это общество состоит из массы крестьян, научно-технической интеллигенции, госслужащих [30, с. 52]. В докладе XVI съезду (2002 г.) Цзян Цзэминь выдвинул стратегию построения общества «малого благоденствия» (小康社会) для всего китайского населения. Первоначально задача поставлена на период 1980–2000 гг. Переход от обеспеченности жильем и питанием к всестороннему обществу малого достатка является переходным периодом экономической модернизации и становление экономики на новый этап.

При Си Цзиньпине удалось ликвидировать бедность и вывести из черты бедности все нищее сельское население к 2020 г. В своих выступлениях, начиная с 2012 г., Си Цзиньпин постоянно подчеркивал необходимость достижения окончательной победы в борьбе с бедностью с целью полного построения средне зажиточного общества на рабочих совещаниях по вопросам оказания помощи в развитии бедных районов и на совещаниях по вопросам достижения окончательной победы в борьбе с бедностью и социально-экономического развития в период 13-й пятилетки в провинциях и т.д. [23, с. 17; 45; 61]. На 5-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва в 2015 г. поставлена задача к 2020 г. избавить от нищеты все сельское население. Благодаря его адресной и точечной программе в 2016 г. от бедности избавилось 10 млн. человек [23, с. 15; 33].

В реализации современной внешней политики Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин также делают акцент на важности применения изречений древнекитайских памятников философского наследия. В них обоснованы положения последователей даосизма, конфуцианства, неоконфуцианства о «всеобщей благодати и благополучии» («天下太平,万物安宁») [31, с. 861]. Лидеры КНР исходят из идеи, что в мире и Поднебесной не должно быть хаоса, а государства живут в дружбе.

引用《论语》预言蒋介石抗日徘徊(3) [Раскрывая тайну: Мао Цзэдун цитирует «Суждения и беседы», чтобы прогнозировать сопротивление Чан Кайши (3)] // Чжунсинь ван 中新网 [Служба новостей Китая]: [сайт]. URL: https://www.chinanews.com.cn/mil/2013/12-23/5651009_3.shtml (дата обращения: 16.01.2026).

¹⁸ или «малого достатка».

Следующей теорией или целостной концепцией мы рассмотрим политическую философию – систему «тянься», или «все-под-небесами» профессора Чжао Тиняна¹⁹. Профессор Чжао воспринимает мир как «сетевую систему смыслов», основанную на семейных связях [6]. Рассуждая о дезориентированности современного мира (не-мир 非世界), он конструирует адресную современную структуру мира [5]. Ее реализация практически возможна при условии соблюдения конкретных материальных условий; формирования единой валюты, мировой налоговой ставки; развития искусственного интеллекта (ИИ) и изобретения эффективных источников энергии; даже изменение политических систем отдельных стран [7, с. 398–400].

В то же время «тянься» не обещает всеобщего человеческого счастья. Поскольку представление об общем устройстве, а оно все еще прозападное, зависит от будущего распределения интересов и власти, взаимодействия разума человеческого и искусственного, ограничения в потреблении ресурсов и территориального суверенитета, религиозной и идеологической борьбы и других глобальных явлений [7, с. 398–402].

Таким образом, Чжао Тинян свою модель «все под небесами» представляет как сетевую наднациональную мировую утопию и научную версию «Китайского плана»²⁰. Этот план заложен в инициативы «Один пояс, один путь», «Ледовый Шелковый путь». Сегодня эти инициативы наиболее востребованы в китайской политике и обществе. Она является ключом к пониманию внешней политики КНР при председателе Си Цзиньпине. Вестфальская система (1648 г.), считает ученый, неизбежно порождает конфликты, поскольку каждое государство преследует свои интересы за счет других. Сегодня руководство КНР трансформирует эту концепцию в интеллектуальную альтернативу западному либеральному миропорядку.

Итак, мы отмечаем главную философскую, политическую, этическую установку китайской утопии – имманентность. Китайская социально-философская мысль характеризуется преимуществом утопических идеалов, которые служили инструментом легитимации власти или идеологическим обоснованием перемен. Современное политическое руководство КНР идеалы «да тун», «тай пин», «сяо кан» и «тянься», адаптируют для обеспечения социальной гармонии и порядка к вызовам различных эпох.

Таким образом, идеалы «да тун» и «тай пин» по-прежнему сохраняют свое важное значение в общественно-политическом менталитете и в сознании элиты. Их актуальность обусловлена тем, что пребывание в таком состоянии является одной из главных целей развития Китая. Эта идея полезна также при исследовании даже не связанных с утопическими идеалами процессами или явлениями. Идеал «великое спокойствие» широко применялся при председателе Ху Цзиньтао в период налаживания связей КНР с китайской диаспорой за рубежом, с Сянганом Гонконгом и Аомэнем до их интеграции с КНР, а сейчас с урегулированием отношений с Тайванем. Актуальность такого утопического идеала обусловлена тем, что пребывание в таком состоянии является одной из главных целей развития Китая. «Сообщество единой

---

¹⁹ Институт философии Академии общественных наук КНР.

²⁰ Впервые «Китайский план» или «Китайский проект» упоминает председатель КНР Си Цзиньпин 6 сентября 2013 г. после проведения VIII саммита лидеров «Большой двадцатки». Его суть заключается в том, что Китай стремится больше участвовать в международных делах и вносить свой вклад в формирование международных теорий и концепций.

судьбы человечества», как главная внешнеполитическая доктрина Си Цзиньпина, опираясь на древнюю идею «да тун» («великое единение»), предполагает мирное сосуществование и общую ответственность за глобальные проблемы, противопоставляя китайский коллективизм западному индивидуализму.

Идеал «сяо кан» древние мыслители толковали как «народу тяжело, он страдает, в той связи ему необходимо успокоиться». С течением времени спокойная жизнь в обеспеченных семьях привела к тому, что такие семьи стали называться семьями Идеи «общества малого благоденствия», перестала быть утопией и сейчас представляет собой целенаправленную стратегию, способствующую во внешнеполитическом контуре «совместной модернизации» КНР со всем миром. Этот идеал прошел полный цикл развития от «уровня сяокан» до «общества малого благоденствия сяокан» и от «всестороннего строительства общества сяокан» до «завершения строительства общества сяокан во всех аспектах».

Как нам представляется, имманентная основа даосских идеалов на конфуцианство и наоборот происходит в русле принципов «великого равновесия», «великого единения», «гармоничного сосуществования при сохранении различий». А это соответствует утопическим установкам, отражающим восприятие китайской цивилизации мира и самой жизни как синергию и синтез личной свободы и связи с природой. Чистую имманентность, которая несмотря на многократные бури и потрясения, в Древнем и современном Китае, является практическим руководством во внешней политике.

Концепция «тянься» лежит в основе реализации современного мегапроекта «Один пояс, один путь», так как китайское руководство предлагает многополярную модель мироустройства, основанную не на разделении государств границами, а на их интеграции через общие интересы. Такая своеобразная антитеза мондиализму США и странам ЕС. Реализация рассматриваемого проекта, несмотря на текущую стагнацию, обусловленную внешнеполитической конъюнктурой, закрепляет за КНР статус центрального узла транспортно-логистических и инвестиционных потоков на евразийском пространстве.

Заключение

Итак, какая же взаимосвязь утопических идеалов с современной политической философией Китая, идеологическими установками руководства КНР?

Ван Тао, Кан Ювэй и Чжао Тиньян считают индивидуальную рациональность эгоистичной, не соответствующей нравственным и моральным отношениям. Возвращение Китая к утопиям неслучайно, так как мир утопии лишен конкретного исторического содержания и подходит для любого общества и политического режима [12]. Западные представления о мире уже проигрывают в научном описании взаимоотношений разных цивилизаций. Для современного мира, как мы видим, все четыре идеала с политической точки зрения имеют утопическую окраску и призваны вернуть Китай к установлению глобального порядка, который заменит и затем вытеснит западную концепцию конфликтов и неравенство в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Думан Л.И. Пожалование земельных владений в Древнем Китае (эпоха Инь, XIV–XI вв. до н.э.) // Общество и государство в Китае. М.: «Наука», 1981. С. 3–21.

2. Шицзин П 诗经 П. Шицзин П. Хань-Э дуйчжао 汉俄对照 [на китайском и русском языках]. Бэйцзин: Бэйцзин шифань дасюэ чубаньшэ 北京:北京师范大学出版社 [Пекин: «Издательство Пекинского педагогического университета»]. 2016. 733 с.
3. Лао-цзы: Хань-Хань дуй чжао. 老子:汉韩对照 [Лао-цзы: на китайском и корейском языках]. Яньцзи: Яньбянь Жэньминь чубаньшэ 延吉:延边人民出版社 [Яньцзи: «Народное издательство Яньбяньского Корейского автономного округа»], 2007. 265 с.
4. Чжуан-цзы. Ле-цзы / пер. с кит., вступ. ст., примеч. В. В. Малявина. М.: «Мысль», 1995. 440 с.
5. Zhao Tingyang. A Political World Philosophy in Terms of All-under-Heaven (Tian-xia) // Diogenes. 2009. Vol. 56. Iss. 1. P. 5–18. <https://doi.org/10.1177/0392192109102149>.
6. Чжао Тинян 赵汀阳. Ичжун кэнэндэ чжихуэй миньчжу 一种可能的智慧民主 [Возможная рациональная форма демократии] // Чжунго Шихуэй кэсюэ 中国社会科学 [Общественные науки КНР]. 2021. № 4. С. 4–23.
7. Чжао Тинян. Система «Тянься» для будущего мира и мира в будущем. Интервью с Чжао Тиньяном, профессором философии Китайской академии общественных наук. Интервью провела Тянь Е // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 3. С. 397–402. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-397-402>. EDN: ZLICSG.
8. Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: «Мысль», 1964. 583 с.
9. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: «REFL-book», 1994. 368 с.
10. Клеес Г. Утопия и утопизм: история осмысления понятий // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2018. Т. 3. № 3. С. 148–160. <https://doi.org/10.23683/2415-8852-2018-3-148-160>. EDN: JXHZXJ.
11. Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература, 2002. 606 с. EDN: ZRABPV.
12. Малявин В.В. «Поднебесная» или «Азия»? Об утопических установках современной политики в Дальневосточном регионе // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 1. С. 130–146. <https://doi.org/10.31857/S013128120013886-5>. EDN: GSCWOB.
13. Мартынов Д.Е. Конфуцианский идеал великого единения: реинтерпретация и проблема перевода // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 1. С. 78–88. EDN: NTSZTZ.
14. Мартынов Д.Е. Ван Тао, Кан Ювэй и концепция «великого единения»: проект глобализации по-китайски // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. Т. 5. Ч. 1. С. 221–225. EDN: HKBVFR.
15. Usmanova I.R., Martynov D.E., Martynova Yu.A. Formation of the Great Unity (Datong) concept by Kang Youwei and E. Bellamy's Utopia “Looking Backward” // International Journal of Humanities and Cultural Studies (IJHCS). 2016. Special Issue. P. 97–103.
16. Дао и даосизм в Китае. М.: «Наука», 1982. 287 с.
17. Васильев Л.С. Этика и ритуал в трактате «Ли Цзи» // Этика и ритуал в традиционном Китае: сборник статей. М.: «Наука», 1988. С. 173–201. [эл. доступ]. URL: <https://book.ivran.ru/sites/31/files/etikairitualvtraditionnomkitae1988.pdf> (дата обращения: 16.01.2026).
18. Торчинов Е.А. Даосизм: опыт историко-религиозного описания. СПб: Издательство «Лань», 1998. 448 с.
19. Чэн Гуанюнь 程广云. Тянься юйцзин нэйдэ Чжунго суйши – пин Чжао Тиняндэ «тянься тиси» силе 天下语境内的中国叙事—评赵汀阳的 «天下体系» 系列 [Китайский нарратив в контексте «тянься» – Оценка «системы тянься» Чжао Тиняна]. Чжунго шэхуэй кэсюэ пинцзя 中国社会科学评价 [Анализ общественных наук КНР]. 2021. № 2. С. 19–29.
20. Цзян Сиюань 江西元. Чжунгодэ шицзе хайши шицзедэ Чжунго 中国的世界还是世界的中国 [Китайский мир или мир Китая] // Бэйцзин: Шиши чубаньшэ 北京:时事出版社 [Пекин: Издательство «Актуальные события»]. 2009. 303 с.
21. Margolies D., Cao Q. Utopia and Modernity in China. Contradictions in Transition. London: Pluto Press, 2022. 157 p.

22. Общество и государство в Китае: тезисы и доклады XI научной конференции. Ч. II. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1980. 230 с.
23. Си Цзиньпин. О ликвидации бедности. 1-е изд. Пекин: «Издательство литературы на иностранных языках», 2020. 281 с.
24. Политическая энциклопедия: в 2-х т. Т. 2 / Нац. обществ.-науч. фонд ; рук. проекта Г. Ю. Семигин ; науч.-ред. совет : пред. совета Г. Ю. Семигин. М.: «Мысль», 1999. 750 с.
25. Бояркина А.В. Поднебесная «тянься» \ (天下) Чжао Тиняна: утопия и реальность // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы XIV международной научно-практической конференции. (Благовещенск, Хэйхэ. 30 мая – 2 июня 2024 г.). Благовещенск, 2024. Вып. 3. № 14. С. 424–428. EDN: [FVFLLI](#).
26. Древнекитайская философия: собрание текстов в 2-х т. Т. 1. М.: «Мысль», 1972. 363 с.
27. Мартынов Д.Е. Даосская утопия Тай пин: политические и этические аспекты // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. Кн. 4. С. 106–119. EDN: [HZOBVV](#).
28. Ионов А. Ю. Введение в даосское учение «Канона великого спокойствия» // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2012. Т. 1. № 3. С. 153–163. EDN: [SQVSVZ](#).
29. Сяньдай ханьюй цыдянь 现代汉语词典 [Словарь современного китайского языка]. Пекин: Шану иньшугуань 北京:商务印书馆 [Пекин: «Издательство деловой печати»]. 1978. 1567 с.
30. Кейдун И.Б. Конфуцианский трактат *Ли цзи* о брачном ритуале в древнем Китае // Общество и государство в Китае. 2016. Т. XLVI. № 1. С. 155–162. EDN: [XSBJNZ](#).
31. Цзююнь чэньюй да цыдянь: шуансэ 九用成语大词典:双色 [Большой словарь идиом Цзююнь]. Чанчунь: Цзилинь цзяюй чубаньшэ 长春:吉林教育出版社 [Чанчунь: «Издательская группа провинции Цзилинь»]. 2008. 1260 с.
32. Социальные процессы в КНР. М.: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока, Центр научной информации и документации, 2006. 99 с.

REFERENCES

1. Duman, L.I. Pozhalovaniye zemelnykh vladeny v Drevnem Kitaye (epokha In, XIV–XI vv. do n.e.). [Granting of Land Ownership in Ancient China (Yin Dynasty, 14th – 11th Centuries BC)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye [Society and State in China]*. Moscow: “Science”, 1981. С. 3–21. (In Russian).
2. Shijing II 诗经 II. Shijing II. Han-E duizhao 汉俄对照 [in Chinese and Russian]. Beijing: Beijing shifan daxue chubanshe 北京:北京师范大学出版社 [Beijing: Beijing Normal University Press]. 2016. 733 p. (In Chinese).
3. Laozi: Han-Han dui zhao. 老子:汉韩对照 [Laozi: in Chinese and Korean]. Yanji: Yanbian Renmin chubanshe 延吉:延边人民出版社 [Yanji: People's Publishing House of the Yanbian Korean Autonomous Prefecture], 2007. 265 p. (In Chinese).
4. Zhuangzi. Lie-tzu. Translated from Chinese, introduction, notes by V.V. Malyavina. Moscow: Mysl, 1995. 440 p. (In Russian).
5. Zhao Tingyang. A Political World Philosophy in Terms of All-Under-Heaven Tian-xia). *Diogenes*. 2009. Vol. 56. Iss. 1. P. 5–18. <https://doi.org/10.1177/0392192109102149>.
6. Zhao Tingyang 赵汀阳. Yizhong kenengde zhihui minzhu 一种可能的智慧民主 [A Possible Rational Form of Democracy]. *Zhongguo shehui kexue 中国社会科学 [Social Sciences of the People's Republic of China]*. 2021. No. 4. P. 4–23. (In Chinese).
7. Zhao Tingyang Tianxia system for a future world and peace in the future. Interview with Zhao Tingyang, Professor of Philosophy at the Chinese Academy of Social Sciences. Interviewed by Tian Ye. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2024. Vol. 24. No. 3. P. 397–402. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-397-402>. EDN: [ZLICSG](#).
8. Hobbes, T. Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]: in 2 vol. Vol. 1. Moscow: Mysl, 1964. 583 p. (In Russian).
9. Marcuse, G. Odnomernyy chelovek. Issledovaniye ideologii razvitogo industrialnogo obshchestva [One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society]. Moscow: REFL-book, 1994. 368 p. (In Russian).

10. Claeyes, G. Utopia and Utopism: History of the Concepts' Understanding. *Practices & Interpretations: a Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*. 2018. Vol. 3. No. 3. P. 148–160. (In Russian). <https://doi.org/10.23683/2415-8852-2018-3-148-160>. EDN: JXHZZJ.
11. Kobzev, A.I. *Filosofiya kitayskogo neokonfutsianstva* [Philosophy of Chinese Neo-Confucianism]. Moscow: Eastern Literature, 2002. 606 p. (In Russian). EDN: ZRABPV.
12. Maliavin, V.V. “All-Under-Heaven” or “Asia”? On Utopian Premises of Modern Politics in the Far-Eastern Region. *Far Eastern Affairs*. 2021. No. 1. P. 130–146. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013128120013886-5>. EDN: GSCWOB.
13. Martynov, D.E. The Confucian Ideal of the Great Unity: Reinterpretation and the Problem of Translation. *Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta. Humanities Series*. 2011. Vol. 153. Book 1. P. 78–88. (In Russian). EDN: NTSZTZ.
14. Martynov, D.E. Van Tao, Kan Yuvey i kontseptsiya «velikogo yedineniya»: proyekt globalizatsii po-kitayski [Wang Tao, Kang Youwei, and the Concept of the “Great Unity”: A Chinese-Style Globalization Project]. *Bolshaya Yevraziya: razvitiye, bezopasnost, sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation]. 2022. Vol. 5. No. 1. P. 221–225. (In Russian). EDN: HKBVFR.
15. Usmanova, I.R., Martynov, D.E., Martynova, Y.A. Formation of the Great Unity (Datong) Concept by Kang Youwei and E. Bellamy's Utopia “Looking Backward”. *International Journal of Humanities and Cultural Studies (IJHCS)*. July 2016 Special Issue. P. 97–103.
16. Dao i daosizm v Kitaye [Tao and Taoism in China]. Moscow: “Science”, 1982. 287 p. (In Russian).
17. Vasiliev, L.S. Etika i ritual v traktate «Li Tszi» [Ethics and Ritual in the Treatise «Li Ji»]. *Etika i ritual v traditsionnom Kitaye: sbornik statey* [Ethics and Ritual in Traditional China: A Collection of Articles]. Moscow: “Science”, 1988. P. 173–201. Available at <https://book.ivran.ru/sites/31/files/etikairitualvtraditsionnomkitae1988.pdf> (accessed: 16.01.2026). (In Russian).
18. Torchinov, E.A. *Daosizm: opyt istoriko-religioznogo opisaniya* [Taoism: an Attempt at Historical and Religious Description]. St. Petersburg: “Lan” Publishing House, 1998. 448 p. (In Russian).
19. Cheng Guangyun 程广云. Tianxia yujing neid Zhongguo xushi – ping Zhao Tingyanand “tianxia tisi” strength 天下语境内的中国叙事——评赵汀阳的“天下体系”系列 [Chinese Narrative in the Context of “Tianxia” – An Assessment of Zhao Tingyan’s “Tianxia System”]. *Zhongguo shehui kexue pingjia* 中国社会科学评价 [Analysis of the Social Sciences of the PRC]. 2021. No. 2. P. 19–29. (In Chinese).
20. Jiang Xiyuan 江西元. Zhongguo shijie haishi shijie Zhongguo 中国的世界还是世界的中国 [The Chinese World or the World of China]. Beijing: Shishi chubanshe 北京:时事出版社 [Beijing: Actual Events Publishing House]. 2009. 303 p. (In Chinese).
21. Margolies, D., Cao, Q. *Utopia and Modernity in China. Contradictions in Transition*. London: Pluto Press, 2022. 157 p.
22. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye: tezisy i doklady XI nauchnoy konferentsii Ch. II*. [Society and State in China: Theses and Papers of the XI Scientific Conference. Part II]. Moscow: Nauka, Main Editorial Board of Eastern Literature, 1980. 230 p. (In Russian).
23. Xi Jinping. *O likvidatsii bednosti* [On the Elimination of Poverty]. 1st ed. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 2020. 281 p. (In Russian).
24. *Politicheskaya entsiklopediya* [Political Encyclopedia]: in 2 vol. Vol. 2. National social-scientific fund; hands project G. Yu. Semigin; scientific-ed. advice: prev. Council G. Yu. Semigin. Moscow: “Mysl”, 1999. 750 p. (In Russian).
25. Boyarkina, A.V. Zhao Tingyang’s «All-under-Heaven» (天下): Utopia and Reality. *Russia and China: History and Prospects for Cooperation*. Proc. of the XIV Int. Res.-Pract. Conf. (Blagoveshchensk, Heihe. May 30 – June 2, 2024). Blagoveshchensk, 2024. Iss. 3. No. 14. P. 424–428. (In Russian). EDN: FVFLLI.
26. *Drevnekitayskaya filosofiya* [Ancient Chinese Philosophy]. A Collection of Texts in 2 vol. Vol. 1. Moscow: “Mysl”, 1972. 363 p. (In Russian).
27. Martynov, D.E. The Daoist Utopia Tai Ping: Some Political and Ethical Aspects. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*. 2006. Vol. 148. Book 4. P. 106–119. (In Russian). EDN: HZOBVV.

28. Ionov, A.Yu. Vvedeniye v daosskoye ucheniye «Kanona velikogo spokoystviya» [Introduction to the Taoist Teaching of the Canon of Great Tranquility]. *Chelovek i kultura Vostoka. Issledovaniya i perevody* [Man and Culture of the East. Research and Translations]. 2012. Vol. 1. No. 3. P. 153–163. (In Russian). EDN: [SQVSZV](#).
29. Xiandai Hanyu Qidian 现代汉语词典 [Dictionary of Modern Chinese]. Beijing: Shanwu yinshuguan 北京:商务印书馆 [Beijing: Business Press Publishing House]. 1978. 1567 p. (In Chinese).
30. Keidun, I.B. The Confucian Treatise Li Ji on Marriage Ritual in Ancient China. *Society and state in China*. 2016. Vol. XLVI. No. 1. P. 155–162. (In Russian). EDN: [XSBJNZ](#).
31. Jiuyong chengyu da cidian: shuangse 九用成语大词典:双色 [The Great Dictionary of Jiuyong Idioms]. Changchun: Jilin jiaoyu chubanshe 长春:吉林教育出版社 [Changchun: Jilin Provincial Publishing Group]. 2008. 1260 p. (In Chinese).
32. Sotsialnyye protsessy v KNR [Social Processes in the People's Republic of China]. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Far Eastern Studies, Center for Scientific Information and Documentation, 2006. 99 p. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Бояркина Анна Владимировна – доктор политических наук, доцент кафедры китаеведения Восточного института (Школы); Дальневосточный федеральный университет.

E-mail: aboyarkina@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9819-8171

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Boyarkina Anna V. – Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Chinese Studies, Oriental Institute (School); Far Eastern Federal University.

E-mail: aboyarkina@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9819-8171

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.01.2026.
Одобрена после рецензирования 12.03.2026.
Принята 13.03.2026.

Received 30.01.2026.
Approved after reviewing 12.03.2026.
Accepted 13.03.2026.